В. В. Крайкин

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ЖИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Работа представлена кафедрой новой и новейшей отечественной истории и права Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор М. В. Брянцев

В статье на основании материалов Государственного архива Брянской области и Государственного архива Орловской области анализируется влияние событий начального периода Первой мировой войны на провинциальных жителей Орловской губернии. В результате автор пришел к выводу, что провинция восприняла ее со всеобщим воодушевлением.

Ключевые слова: *Первая мировая война, крестьянство, сознание, беспорядки, манифестации.*

V. Kraikin

INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR IN PROVINCIAL INHABITANTS' PERCEPTION (BASED ON THE MATERIALS OF THE ORYOL PROVINCE)

Based on the information obtained from the state archives of the Bryansk and Oryol regions, the article is focused on the influence of the beginning of World War I on the population in the Oryol province. The author comes to the conclusion that World War I was perceived by the provinces with overall enthusiasm.

Key words: *World War I, peasantry, consciousness, disorders, demonstrations.*

Сознание народа хранит память о большинстве исторических событий, которые воздействуют на менталитет как отдельных ее членов, так и общества в целом. Особенно глубокий след оставляет жизнь в экстремальных условиях, к каковым относится и Первая мировая война. В сельской местности она «нарушила консерватизм деревни» [1, с. 51]. Ее атмосфера, появление новых черт будничной жизни и изменение условий существования вызывало у жителей как провинции в целом, так и Орловской губернии в частности, переосмысление ряда ценностей: восприятия свой – чужой; я и власть. Война «встряхнула, пробудила от спячки» сельских обывателей и стала своего рода источником новых впечатлений.

Взгляд на восприятие военных событий сельским населением позволяет выявить особенности отражения войны в сознании крестьян, а основой для понимания их настроений служит комплексная характеристика поведенческих характеристик, которая отражается в конкретных действиях, направленных на оценку того или иного события связанного с войной.

Сразу же после начала войны в Орле состоялось несколько мероприятий с участием большого количества сельского населения. Первое из них прошло вечером 17 июля 1914 г.: перед домом губернатора собралось около тысячи человек, которые были настроены высокопатриотично [2, л. 22]. На следующий день на главной площади города собрался народ, перед которым выступил губернатор с патриотической речью, после чего все разошлись [3]. Манифестации по случаю объявления войны произошли и в других местностях губернии, так, 21 июля в с. Бежица Орловской губернии был отслужен молебен и произошла шумная патриотическая манифестация, в которой приняло участие порядка 15 000 человек. Настроение собравшихся

было высокопатриотическое, произносились речи о верноподданническом чувстве и готовности всех принять участие в этой войне [4]. В приведенных фактах мы видим однозначное одобрение крестьянством войны, такое же поведение свойственно и большинству уездов Орловской губернии, что подтверждается рапортами, поданными из Елецкого, Дмитровского, Ливенского, Кромского, Севского и Трубчевского уездов в последних числах июля 1914 г. [5]. Такое значительное количество положительных свидетельств доказывает, что настроение сельских жителей в июльские дни 1914 г. было патриотическим.

В дальнейшем упоминания о массовых народных шествиях и манифестациях встречаются очень редко. К таковым можно отнести манифестацию по случаю победы русского оружия в Австрии, которая прошла 25 сентября 1914 г. в Брянске [6] и 12 мая 1915 г. по поводу вступления в войну Италии, прошедшей в Трубчевске с участием местных жителей и учащихся различных учебных заведений [7, л. 420].

Таким образом, начавшаяся Первая мировая война для широких народных масс была неожиданностью, которую большая часть населения восприняла с энтузиазмом, о чем свидетельствует патриотический подъем, захвативший в первые дни войны практически все слои населения, включая и крестьянство, нашедший выражение в большом количестве последовавших следом за объявлением войны патриотических манифестаций, молебнов и шествий с портретом царя.

Наряду с шествиями и молебнами в Орловской губернии появились и такие явления, как волнения населения в связи с объявлением мобилизации. Общая мобилизация была объявлена 17 июля 1914 г. и продолжилась уже после вступления России в войну. Во время своего перемещения из различных населенных пунктов к местам формирования воинских частей призывники стремились сопроводить свое прощание с родными местами употреблением спиртных напитков. В целях максимально организованного и спокойного проведения мобилизации по инициативе местных властей предлагалось тайно вывезти спиртное из казенных винных лавок наиболее крупных селений и мест возможного скопления, призванных во избежание массового пьянства [2, л. 93], но это не было сделано вовремя, о чем и свидетельствуют последующие события.

Так, 20 июля 1914 г. в Малоархангельске около 500 человек запасных, придя к казенной винной лавке, находившейся на главной улице города, потребовали от стоявшего на посту городового открыть ее. Тот начал убеждать толпу разойтись, но, не слушая уговоров, запасные настаивали на открытии лавки, угрожая выломать двери, и только благодаря появлению уездного исправника с патрулем конной стражи толпа разошлась [2, л. 157]. 21 июля прибывшая в м. Середину-Буду партия запасных потребовала выдачи водки и, угрожая разбить винную лавку, произвела буйство [8, л. 102]. Случаи подобного рода происходили в первые дни войны во многих уездах Орловской губернии, и заканчивались они в большинстве своем в пользу толпы (хищением спиртного), причем полицейские ничего не могли поделать из-за численного превосходства мобилизованных. В конце июля – августе 1914 г. такая тенденция наблюдалась по большинству уездов Орловской губернии [2, 8], что свидетельствует о повсеместной распространенности данного явления.

Самые масштабные беспорядки во время первой мобилизации произошли в Трубчевском уезде с 19 по 21 июля. Здесь две партии мобилизованных, по тысяче человек каждая, были направлены из Трубчевска на ст. Выгоничи Трубчевского уезда в сопровождении воинской команды. За время следования эшелонов они разграбили несколько винных лавок, на ходу употребляя спиртное [8, л. 5об.–6]. Прибыв к месту сбора на ст. Выгоничи, толпа в количестве до 2000 человек запасных, их родственников и солдат была поголовно пьяна и буйствовала [2, л. 37]. Становой пристав Трубчевского уезда в своем рапорте отмечает, что старые запасные солдаты буйствовали и грабили почти все, а с ними и большая часть молодых призывников, а остальные, не проявляя активных действий, однозначно сочувствовали им. Наряду с принимавшими участие в русско-японской

войне уроженцами Орловской губернии хулиганили и вернувшиеся отходники – шахтеры и ремесленники [9, л. 1]. Прибытием на родину многих шахтеров, подлежавших призыву по мобилизации, объясняет в своем донесении поведение трубчевских крестьян и помощник начальника губернского жандармского управления [2, л. 30].

Основной целью всех действий, связанных с погромами казенных винных лавок, магазинов и складов было желание мобилизованных получить водку. В некоторых случаях для этого применялись даже угрозы физической расправы, о чем повествует ситуация, сложившаяся во время мобилизации крестьян Трубчевского уезда: «остановив лошадь напротив сарая кр. Петра Тишкина, где хранилась водка, Сергей Шпиньков выдернул из телеги шкворень и сбил замок, а когда Тишкин стал его уговаривать, то он, схватив из ящика две четвертых бутыли с водкой, намеревался его убить» [8, л. 7об.–8].

Помимо многочисленных фактов, свидетельствующих о буйстве призывников, в ряде уездов сохранились сведения о том, что «мобилизация прошла очень покойно при сильном подъеме духа запасных и всего населения» [2, л. 110]. Крестьяне Елецкого уезда говорили вслух, что: «вот этот призыв правильный и справедливый, всех призывают, значит, нужно и недовольных не может быть» [2, л. 105]. Еще одним свидетельством этому являются агентурные сведения сотрудника Хинельского: «Отношение к призывам новобранцев и ратников в войска – спокойное» [10, л. 1]. Такое поведение объясняется тем, что в этих уездах все призывное население было представлено молодыми людьми, которым не были присущи вышеупомянутые традиции, связанные с употреблением спиртных напитков перед уходом в армию. Так же среди них не было «будирующего элемента», толкавшего всех остальных призывников на погромы казенных винных лавок и магазинов.

По прошествии времени война стала восприниматься крестьянами как обыденное явление, и поэтому все остальные воинские призывы проходили не так бурно и без алкогольных вакханалий, присущих начальному ее этапу. Во время последующих призывов факторы недовольства крестьян, в основном, были связаны со справедливостью призыва в армию. В связи с этим росло недовольство полицией, имевшей бронь от призыва в армию [11, л. 60], и людьми, уклоняющимися от мобилизации посредством дачи взяток врачам и устройством на различного рода оборонные предприятия. Так, в Мценске 11 сентября 1915 г. днем призванные ратники ополчения группой в 850 человек прибыли к зданию Полицейского управления. Они потребовали, чтобы полицейские чины были немедленно призваны в армию. При всем этом они проявляли буйство по отношению все тех же полицейских, в результате 6 человек из их числа были покалечены [12, л. 17]. Но этот инцидент отчасти объясняет тот факт, что главные зачинщики беспорядков являлись отходниками, вернувшимися с заработков [12, л. 21].

Большим бедствием для населения Орловской губернии стало буйство новобранцев, направлявшихся в действующую армию воинскими эшелонами, от которого сильно страдали пристанционные населенные пункты. Так, по сообщению Севского уездного исправника: «Проезжавшие через станцию Комаричи Московско-Киевской железной дороги эшелоны ратников проявляли буйное настроение и 14 сентября по-прежнему били стекла» [12, л. 55], а при стоянке на станции производили буйства и насилия [12, л. 33]. Подобные происшествия являются довольно распространенными для осени 1915 г. От бесчинства новобранцев страдали пристанционные поселки Московско-Курской железной дороги [12, л. 54]. Все эти события, происшедшие во второй половине 1915 г., вызывали негативную реакцию местного крестьянского населения, но не были присущи только Орловской губернии. По данным Департамента полиции, во время призыва ратников II разряда на территории всей страны отмечались беспорядки, проведенные в большинстве случаев во время стоянок поездов на железнодорожных станциях [13, л. 86]. Если во время первых призывов крестьянское население поддерживало и уважало солдатскую массу, то в рассматриваемый пе-

риод сельские труженики стали воспринимать их как потенциальный источник хаоса.

С самого начала война попала в круг обсуждаемых крестьянами проблем и заняла там, без сомнения, первое место. Самое искреннее отношение к ней выражалось в диалогах между крестьянами как с жителями разных селений, так и с односельчанами и фольклоре, отреагировавшем на данное явление незамедлительно. В разговорах между крестьянами мы можем наблюдать высказывания о военной действительности. Призывники рассуждали в августе 1914 г. о том, что «нужно когда-либо освободиться от ига железного германского кулака, и они запасные с радостью идут на войну» [2, л. 260]. В беседе крестьянина Наумова с односельчанами мы видим противоположное отношение к войне. Он «возбуждал население против войны», говоря, «что кто затеял войну, того следует застрелить и проч.» [14, л. 2]. Аналогичное, по духу, суждение мы находим в разговоре крестьянина Изотова с «посторонними лицами», в котором он выразился так: «Нам только дойти до позиции, а драться не будем, так как сдадимся в плен» [15, л. 183].

В беседе, состоявшейся, предположительно, в декабре 1914 г., между карачевскими крестьянками, «когда разговор зашел о войне, одна из них высказала свое неудовольствие по поводу войны, почему взяли на войну и ее сына, а об армии она говорила, что наших разобьют, и войну мы проиграем» [16, л. 152об].

Свое отражение война нашла и в появлении большого количества пословиц, поговорок, песен и частушек, прямо или косвенно связанных с Первой мировой войной. В них можно найти множество фактов, относящихся к восприятию крестьянами различных военных событий. Например, в начале войны была сочинена частушка: «Ох, ребятушки, беда! / Идет великая война – / Идет Австрия и Германия / На нашего царя». После первых неудач народ высказался так: «Про нас роют и копают / Длинные канавушки, / На нас германцы наступают – / Плохо нам ребятушки». После успешной войсковой операции по освобождению Львова было сочинено такое четверостишие: «Сдал австриец русским Львов, / Где им зайцам против львов! / Да за дали да за Краков / Пятить будут стадо раков!» [17, с. 116].

В целом в народном фольклоре отношение к войне было по большей части смиренно-терпеливое, о чем повествуют следующие частушки: «Пришли празднички весенни, / Нам не весело гулять: / Всех молодых мальчишечек / Погнали воевать» [17, с. 225]. В ней проявляется тоскливое восприятие мобилизации. Такое же отношение проявляется и в следующей частушке: «По германской по границе / По канавке кровь бежит: / Ох, мой братка здесь убита, / Другой раненый лежит» [18, с. 47]. Причем, как и в первом случае, никаких негативных высказываний в адрес царской власти здесь нет.

Таким образом, Первая мировая война с первых же дней произвела на жителей губернии неизгладимое впечатление. Большая часть населения восприняла ее с энтузиазмом, о чем свидетельствует большое количество последовавших за объявлением войны патриотических манифестаций, молебнов и шествий с портретами царя. Но наряду с этими явлениями отношение к войне проявилось и в волнениях населения в связи с объявлением мобилизации. В них не содержалось никакого протеста против войны, а связаны они были с тем, что крестьяне перед отправлением на позиции хотели с помощью алкоголя проститься с родными и близкими. Все эти факторы в совокупности с традиционным взглядом на войну как на народное бедствие служили обстоятельствами возникновения в провинции специфической военной психологической атмосферы, влиявшей на интересы и ценности ее жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белогурова Т. А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. 130 с.

2. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 5962.

3. Орловский вестник. 1914. 19 июля.
4. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 336. Т. 1. Л. 202; ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 729. Л. 1.
5. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5962; Д. 6136.
6. Орловский вестник. 1914. 25 сентября.
7. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 6136.
8. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5961.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП. 4 Д-во. Д. 138.
10. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 827.
11. ГАОО. Ф. 850. Оп. 2. Д. 149.
12. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 6116.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1210(2).
14. ГАОО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 416.
15. ГАБО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 795.
16. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 792.
17. *Селиванова Ф. М.* Частушки. М.: Сов. Россия, 1990. 340 с.
18. *Недвига А. Е.* «Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!»: Первая мировая война в русской частушке // Живая старина. 2003. № 4.